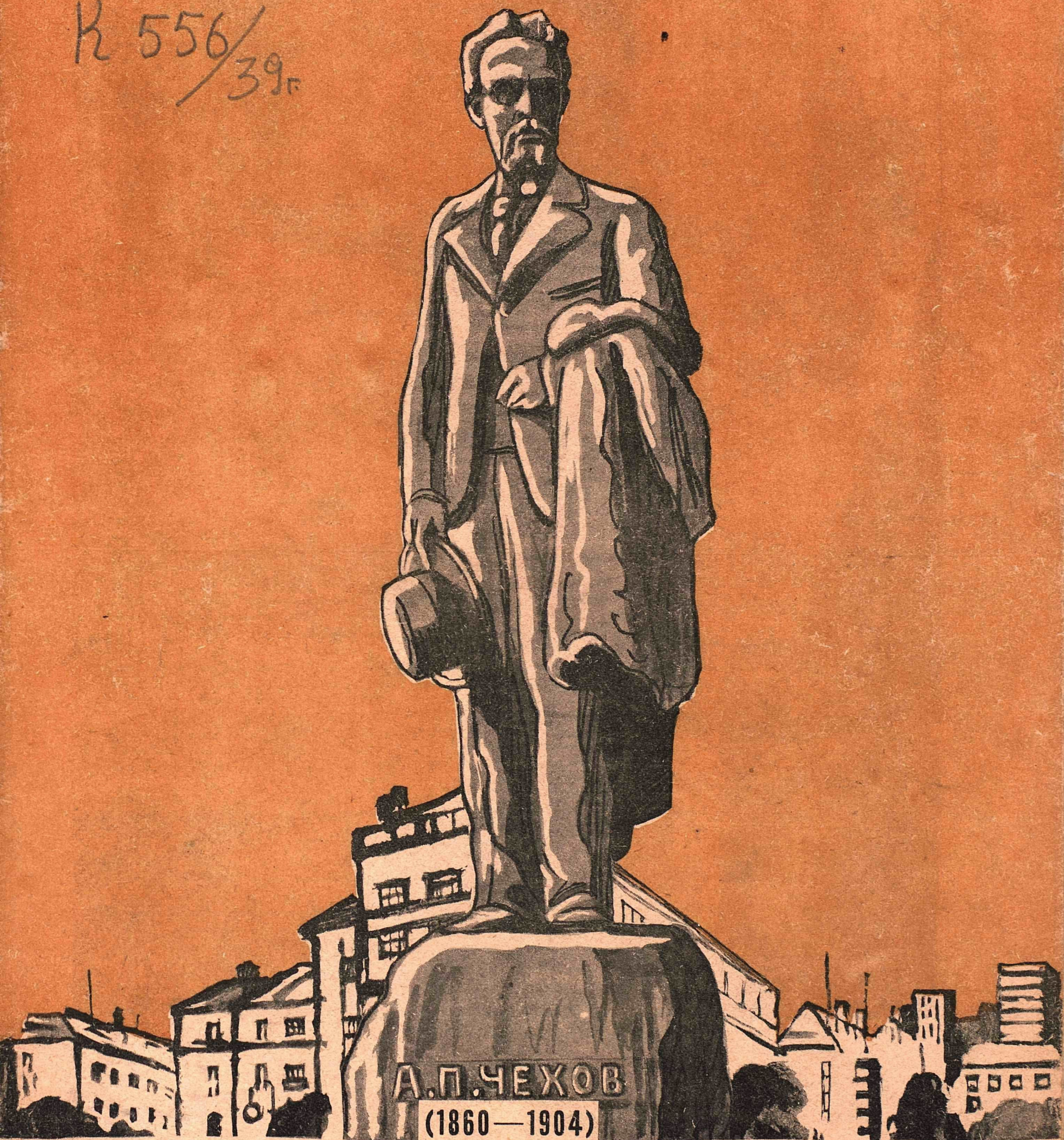

К Р О К О Д И Л

К 556/39г

Так мы представляем себе ближайшее будущее одной из московских площадей.

Рис. Л. Бродаты

Рис. К. Елисеева

Бурное собрание классиков о полном собрании классиков.

Антон Павлович

ЧЕХОВА нет, а мы еще полны воспоминаниями о нем.

Тут, на Малой Дмитровке, он жил еще совсем недавно. На улице встречаешь людей, с которыми был знаком и даже дружил Чехов. Сидя в Художественном театре и глядя на белую чайку, обязательно вообразишь себе, что здесь, непременно на этом самом кресле, сидел Чехов во время первого представления «Трех сестер» или «Дяди Вани» и волновался. А когда внизу старый капельдинер в золоченом пенсне, представительный и вежливый, как Чемберлен, снимает с вешалки твоё пальто, не можешь не подумать, что именно этот капельдинер, тогда черноусый и розовощекий, подавал пальто Чехову со словами: «Давненько у нас не были, Антон Павлович». Входишь в ялтинский скромный-прескромный чеховский домик и видишь его вещи, аккуратно разложенные на письменном столе: разрезной ножик, докторский стетоскоп, чернильный прибор, — и кажется, что эти вещи все еще хранят теплоту чеховских пальцев. На стене висит деликатнейший печатный плакатик: «Просят не курить». И вдруг представляешь себе глубокую ялтинскую осень. Дует норд-ост, по синему крымскому небу быстро несутся облака, днем и ночью шумят субтропические восковые листья магнолий, по узенькой и грязной Аутской улице с грохотом проезжает татарская арба, в мокром саду на зеленой скамейке (вы и сейчас можете посидеть на ней, дожидаясь, пока из дома уйдет очередная экскурсия) сидит Антон Павлович в драповом пальто и низкой барашковой шапке. Он играет палочкой с собаками, которых назвал Хинна и Бром. С моря приходит туман, закрывает город, потом уходит обратно в море, рыжеватый, клубящийся, как пороховой дым, потом снова возвращается в город, и из порта несутся католические звуки колокола. Последняя осень в жизни Антона Павловича!

Ежедневно, ежечасно так или иначе вспоминают в нашей стране Чехова.

— Иван Федорович? Да ведь это вылитый унтер Пришибеев!

— Наталья Николаевна, ну, такая, знаете, типичная чеховская душенька!

— Помните, у Чехова, дьячка, который на именинах всю икру с'ел? Так вот под выходной...

— Тянули мне вчера зуб в амбулатории. Ну прямо-таки чеховская хирургия!

— В Москву, в Москву, как говорил Антон Павлович.

— Опять юбилей! Опять «тлубокоуважаемый шкаф» начнется!

— Боже ты мой, калоши забыл! Двадцать два несчастья!

Знают и любят все, что написал Чехов. И с каждым годом все больше знают и больше любят.

Телеграфист Ять и Мерчулкина, старый Фирс и профессор Серебряков, садовод Песочный и милая Мисюся, приказчик Початкин и Епиходов, сановник Орлов и писатель Тригорин — все это не просто действующие лица, а острые, отчетливые, запоминающиеся на всю жизнь характеры. И, что самое замечательное, их можно привести еще сотню. Во всем, что создал Чехов, нет ни одной неясной фигуры, которая расплывалась бы в сознании читателя, которая была бы раз и навсегда забыта. Даже самое маленькое действующее лицо, произносящее в рассказе или пьесе всего лишь одну фразу, и то запоминается на всю жизнь, как запоминаются чеховские сюжеты, отдельные словечки или смешные фамилии. Скольких героев из толстых романов с красивыми, благородными фамилиями (из тех, какие актеры любят брать себе в псевдонимы) русский читатель забыл, а вот маляра Редьку с его сентенцией «ржа ест железо, а лжа — душу» или мальчишка Паву, который на приглашение «Павла, изобрази» отвечал «Умри, несчастная!», забыть невозможно.

С каждым днем проясняется образ Чехова, светлеет, теплеет, становится значительнее.

Сначала видели в нем лишь автора маленьких юмористических рассказов, которые, види-

те ли, — «не литература». Потом Чехов превратился в «певца русских сумерек». Как ненавидел Чехов эти бездарные и пошлые ярлыки! Как ненавидел Чехов вообще всяческую пошлость, как тонко различал он ее, с какой тщательностью исследовал и препарировал на своем письменном столе!

Мог ли думать Чехов, что через какие-нибудь тридцать лет его Беликовым, гениально найденным и вытасканным на свет, Иосиф Виссарионович Сталин будет бить врагов народа, врагов коммунизма!

То, что было принято называть у Чехова «мягким юмором», оказалось юмором гневным, обличительным.

Да и сейчас еще найдется немало людей, которые повторяют банальнейшие фразы: «мягкий чеховский юмор», «печальный чеховский смех», и прочее, и прочее.

Нет! В нашем сознании живет и будет жить не такой Чехов. Живет и будет жить Чехов веселый, Чехов гневный, Чехов решительный и, если хотите, беспощадный в своем творчестве.

Для нас, строящих государство коммунизма, Чехов — верный друг и помощник. Потому что коммунизм — это враг всякой пошлости, в какую бы тогу эта пошлость ни рядилась. Чехов учит нас, как отыскивать пошлость, как классифицировать ее, бороться с ней и уничтожать ее.

Когда-то Чехов сказал, что ему всю жизнь приходилось по капле выдавливать из себя раба. Рабов выдавила из нас одним своим великим взмахом социалистическая революция. А вот выдавливать из себя по капле стяжателя, клеветника, подхалима, самовлюбленного комчвана и пошляка мы должны постоянно, упорно, из месяца в месяц, изо дня в день.

И сделать это нам поможет юмор, тот юмор, на котором, как на цементе, крепко держалось все гениальное творчество Антона Павловича Чехова.

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ

Рис. Л. Генча.

— Эко дело, что у соседнего колхоза рожь высокая, зато у себя я на виду.

Доктор Чехов

(Из неопубликованных воспоминаний артиста, драматурга и режиссера
Кумирова-Колодкина)

РЕДАКЦИЯ журнала Крокодил обратилась ко мне с почтительной просьбой поделиться с читателями моими воспоминаниями о моем добром знакомом докторе Чехове. Не без удовольствия исполняю эту просьбу и тем более потому, что доктор Чехов впоследствии приобрел некоторую литературную известность.

В конце второй половины прошлого столетия я, как правильно отмечают мои биографы, был целиком захвачен работой над моей довольно популярной в те времена пьесой «Тенета волшебной любви» и на время отошел от бурной литературной жизни.

Помнится мне, я впервые читал второе явление третьего акта «Тенет любви» нескольким моим малоизвестным современникам в кабинете «Альпийской розы» на Софийке, ныне Пушечной улице.

Когда я дошел до того исключительно удавшегося мне места, где героиня Нина признается в том, что она позволила графу Георгию поцеловать себя на маскараде в Охотничьем клубе, с одним из слушателей приключился от волнения легкий обморок.

Сообщаю это не для того, чтобы еще раз напомнить о моем, так сказать, триумфе, но просто как любопытный факт, который по нелепой случайности не был отмечен моим биографом.

Итак, в конце второй половины прошлого века, а может быть, и в начале нашего столетия, после исключительного успеха моей пьесы «Соловьи и кукушки», я очутился перед неразрешимой задачей.

Разумеется, группа образованных присяжных поверенных, которых я по справедливости

считал друзьями моего дарования, была, как это говорится, «в восторге» от моего последнего драматургического дебюта, но, находясь на вершине славы, я не утратил чувства самокритицизма, как это принято говорить теперь.

Я возмел намерение написать роман «Когда цветет сирень», небольшую классическую трагедию «Нума Помпилий», кроме того моя мысль усиленно работала в области легкого жанра оперетты в манере офенбаховского «Орфея в аду», для чего я привлек в качестве ассистента и толкователя моих снов одного преподавателя древних языков частной гимназии.

Не говорю уже о том, что мое второе артистическое «я» требовало от меня немедленного лихорадочного творчества.

Помнится, проезжая в наемном экипаже по Малому Головину переулку, я размышлял о том, что вполне своевременно мне осуществить давно задуманную постановку довольно известного английского драматурга Шекспира и самому взяться за роль Гамлета в пьесе того же названия.

Тетка моя со стороны дяди, председателя, т. е., виноват, начальника, Палаты мер и весов, в любительском спектакле, поставленном в 1883 году в доме коммерции советника Оладушкина, в городе Сызрани, великолепно исполнила роль Офелии.

Это обстоятельство позволяло мне надеяться на успех моего начинания. И осенью, если не ошибаюсь, в 1902 году, вернувшись после лечения в малоизвестном курорте Средней Саксонии, я поделился своими мыслями с

одним довольно известным учителем словесности в реальном училище Мазинга.

Я прочитал ему ряд ценных записей моих, связанных с моей последней поездкой для лечения моего застарелого колита. Впоследствии эти мои мысли пригодились бывшему учителю словесности и он получил известность в качестве интерпретатора произведений одного современного молодого писателя.

Итак, время шло... С удовольствием вспоминаю огромный успех сезона 1902—1903 года, где мне по справедливости удалось сосредоточить на моей скромной особе внимание публики, как это было справедливо отмечено моим биографом — бывшим прапорщиком запаса Игорем Анаанасовым.

Именно в этом году я показал московской публике мои «Тенета волшебной любви». Сцена, где героиня Нина признается в том, что она позволила поцеловать себя на маскараде в Охотничьем клубе графу Георгию, вызвала небывалый фурор в зрительном зале.

Меня вызывали бесчисленное множество раз, и, признаюсь, я сам был немного смущен этим, правда сказать, заслуженным успехом.

В добавление могу заметить, что в том же году я познакомился с молодым доктором А. П. Чеховым, который впоследствии с моей помощью, разумеется, получил некоторую известность не по своей прямой специальности.

Артист, драматург и режиссер
КУМИРОВ-КОЛОДКИН

Не могу не принести благодарность литератору Л. Никулину, которому я разрешил подготовить и опубликовать в вашем уважаемом журнале эти мои строки.

Из чехдомика

(Юбилейная актуальная радиопередача)

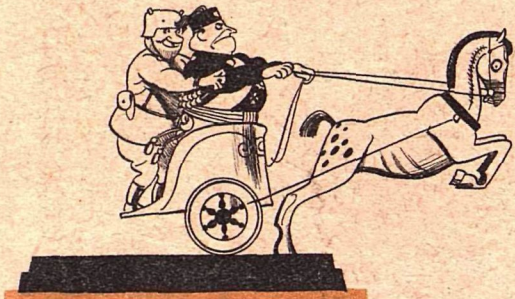
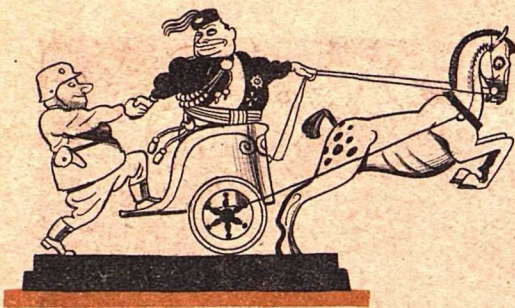

Рис. Ю. Ганфа

Первоначальный проект монумента в ознаменование итало-германской дружбы (1) и его дальнейшие видоизменения (2, 3 и 4).

На чеховские мотивы

„Хамелеон“

«Премьера удалась на славу...»
(Зачеркнуто.) «В премьере есть порок...»
(Зачеркнуто.) «Слог хвалим мы по праву...»
(Зачеркнуто.) «Весьма тяжелый слог...»
(Все вымарано.) «Мастер смехом жалить,
Без зубоскальства быть он острым смог...»
(Зачеркнуто.) «Так пошло зубоскалить
Способен только тот, кто неглубок...»
(Зачеркнуто.) «Поток горячей мысли...»
(Зачеркнуто.) «Вся пьеса холодна...»
(Зачеркнуто.) «Все обобщения беспомощно повисли...»
(Зачеркнуто.) «Он понял жизнь до дна...»
(Все вымарано.) «Скучно...» «Остро...» «Тупо...»
«Блестяще...» «Тускло...» «Зло...» «Наоборот».

Чьи записи? Увы! Не нужно лупы,
Чтоб рассмотреть: се критика блокнот.
Нужие мысли и чужие мнения,
И нет им краю, нету им конца.
На всякий вкус — слова и рассужденья,
Но... собственного — ни слова!

Р. РОМАН

Ялта. Комната небольшого домика, аварийно переоборудованная в радиостудию. Радиотехник Петр Иванович устанавливает микрофон, шумовик Вася распутывает провода, диктор откашливается. Вот микрофон включен.

Диктор. Говорит Ялта... Я Ялта. Я Ялта. Я домик Чехова... Как слышно?

Петр Иванович (истерическим шопотом). Тише... Шш... Вас уже слушают!

Диктор. Внимание! Мы находимся с вами в том самом чеховском домике, в котором жил и работал Антон... ээ... Антон... ээ... Антон Чехов. Еще и сейчас явственно доносится сюда мерный рокот прибора. (Шопотом.) Вася, давай прибор!..

Вася (громко). Сейчас.

Петр Иванович (выключая микрофон). Что ты орешь, дурак? (Включает микрофон.)

Диктор. Итак, вы слышите... Вы слышите... (Свистящим шопотом.) Вася, где шум? (Вася болтает палкой в ведре воды.)

Диктор. Вы слышите, наконец, шум прибора. А вот и другой звук, хорошо знакомый великому писателю.

Вася (хрипло). Мяу...

Диктор (уверенно). Это кошка. Она еще молода, но у нас есть все данные предполагать, что прадедушка, а то и дедушка этого животного не раз сиживали на великих коленях певца сумерек. Кис-кис, пойдя сюда...

Вася (еще более хрипло). Мяу-у...

Диктор. А вот по улице бежит собачка. (Громко.) Собачка! Собачка! (Призывно свистит.)

Вася. Мяу...

(Петр Иванович пинает его ногой.)

Диктор (не растерявшись). Подожди, киска, твое время истекло.

Вася (робко). Рр... Гав-гав.

Диктор. Помните известный рассказ «Дамы с собачкой»? Не та ли это собачка? Или, может быть, это Каштанка, а то и Фирс, с такой собачьей преданностью служивший своим господам в пьесе... ээ... в пьесе того же названия. Ах, этот дом! Ах, эта улица! Ах, эта Ялта! Здесь все овечно, напоено и носит неизгладимые следы! Каждый камень, каждая ступенька, как сейчас, помнят незабываемый облик. А сколько интересного могла бы рассказать эта старая пепельница, пожелтевшая от времени и никотина! Попробуем сделать это за нее. Внимание! У микрофона пепельница Чехова.

Вася (сдавленным голосом). Оах, оах, я старая пепельница. Меня трогал своими нервными пальцами сам Чехов. (Трагически.) Он стряхивал в меня пепел!.. Оах, оах, я старая пепельница!

Диктор (наигранно-бодро). А сейчас на смену старой пепельнице мы выпускаем к микрофону юного Колю Семеркина, ученика второго класса местной средней школы.

Петр Иванович (шопотом). На, читай по бумажке.

Коля (запинаясь, читает). Мы живем в городе, где жил и умер Чехов. Поэтому весь наш класс будет добиваться в текущем учебном году отличных показателей по всем предметам, особенно по арифметике, которая на сегодняшний день является нашим слабым местом. Мы еще не прорабатывали Чехова, но мы будем его прорабатывать и обязуемся проработать его на «отлично». Кроме того мы обязуемся повысить усво... усво... Дядя, я тут не понимаю!

Петр Иванович. По техническим причинам объявляется перерыв на полминуты. (Выключает микрофон.) Ну, чего ты не понимаешь? Усвояемость! (Включает микрофон.)

Коля. Усвояемость! (Уходит.)

Диктор. Сейчас мы предоставляем слово для краткого приветствия товарищу Баскакову, представителю местного отделения «Общества борьбы с морским прибоем имени А. П. Чехова».

Баскаков. Я кратенько остановлюсь на следующем. Наше общество насчитывает сейчас шесть человек, уже проявивших себя на данной работе. В нашей борьбе с прибоем есть еще некоторые перебои, но в этот знаменательный день я заверяю всех присутствующих, что прибор, который так мешал Антону Павловичу, будет покорен широкими членскими массами нашего общества.

Диктор. Славные традиции Антона Чехова до сих пор живут в ялтинской литературе. Сейчас у микрофона находится молодой ялтинский поэт Ярослав Приморский. Он читает стихи, посвященные Чехову.

Приморский (читает стихи).

Когда-то вот здесь стоял ты.
Когда-то вон там гулял ты.
Мы оба питомцы Ялты,
Но только меня не знал ты.
Ах, многое потерял ты,
Когда в переулках Ялты
Один без меня гулял ты
И в море стремглав нырял ты.

Диктор. У микрофона лучшая киоскерша Крымминвода Анастасия Шейкина. (Шопотом.) Где Шейкина? Не пришла? Вася, давай ты, вот по этой бумажке.

Вася (тонким голосом). Сегодняшний день я отметила перевыполнением плана по квасу на 27 процентов, по морсу — на 13,2 процента, по остальным видам — на 8,75 процента. Все еще мешает моей работе несознательное отношение публики, потребляющей весь ассортимент за первую половину рабочего дня, создавая тем самым неравномерную загрузку работников воды и сиропа. В дальнейшем все перевыполнение плана по квасу я посвящаю Антону Павловичу Чехову.

Диктор. Теперь совершим небольшую прогулочку по чехдомнику. Вот я отворяю эту дверь, вот я ее затворяю. Этот характерный скрип (Вася характерно скрипит) мог бы рассказать многое. А вот эта половица еле держится. Я наступаю на нее. Ай! (Проваливается в погреб.)

Петр Иванович. Внимание! По техническим причинам прогулка по чехдомнику не может быть продолжена. Вместо этого прослушайте воспоминания ялтинского старожилы Герасима Поликарпыча.

Старожил. Чехова я, конечно, не видал. Но знаю, что жил он совсем рядом, через два дома отсюда.

Петр Иванович. Как, через два дома?! (Спохватывается, выключает микрофон.) Он же здесь жил!

Диктор (вылезая). Чортова половица! Так и погибнешь когда-нибудь незаметным героем. Видали, как я провалился?

Петр Иванович (свирепо). Что вы? Все провалились.

Диктор. Куда?

Петр Иванович. Чорт знает, куда! Вы думаете, это чехдомик?

Диктор. А как же!

Старожил. Уж я-то знаю. Они жили вон там, шагов тридцать. А здесь другой писатель жил, в прошлом году комнату снимал. Фамилия такая чудная...

Петр Иванович. Да замолчи ты, дед! (Включает микрофон.) Внимание! Перерыв произошел по техническим причинам. Продолжаем прогулку по чехдомнику...

А. РАСКИН, М. СЛОБОДСКОЙ

Не те выводы

С ЮНЫХ лет Сергей Петрович любил Чехова. И сейчас, когда ему уже давным-давно перевалило за сорок, он с наслаждением перечитывал его и мог восторгаться этим писателем до бесконечности:

— «Три года!» «Дама с собачкой!» Шедевры! А «Попрыгунья»? А «Степь»? Потрясающе! А помните «Дом с мезонином»? Помните это незабываемое: «Мисюся, где ты?»... А пьесы? Боже мой, какие пьесы!

Среди своих сослуживцев Сергей Петрович легко узнавал героев произведений А. П. Чехова. Но надо отдать справедливость, Сергей Петрович не щадил и самого себя. Правда, он не приписывал себе черт болвана Пришибеева или хамелеона Очумелова (с какой стати?), но многие человеческие слабости, описываемые великим писателем, Сергей Петрович находил и у себя. А с некоторых пор он все больше и больше находил сходства в своей жизни с жизнью Дымова из рассказа «Попрыгунья».

— Ну, конечно, — говорил сам себе Сергей Петрович. — Все абсолютно похоже. Работаю как лошадь. Прихожу домой — холодный обед, и опять изволь садиться за работу. За всю зиму был один раз в кино. А жене плевать! Все время проводит с этим лысым нахалом Файнкохом. Хотя бы раз предложила мне пойти с ней погулять. Хотя бы раз поговорила со мной по-человечески. Этого нет и в помине... А вот как справлять свой день рождения, так еще за месяц до этого она начинает откладывать деньги и делать запасы. Одних килек было куплено на одиннадцать рублей... И в тот вечер хоть бы кто-нибудь из гостей предложил тост за мое здоровье... Никто меня и не заметил. Точно не я здесь хозяин. Точно не мои деньги потрачены на все эти продукты и кондитерские изделия. Противно! Боже мой, как противно! Вот умру, тогда она узнает, какого потеряла человека...

И Сергей Петрович с дрожью в голосе прочел про смерть Дымова:

«Вошла горничная с пустым стаканом на подносе и спросила: «Барыня, постель прикажете постлать?» И, не получив ответа, вышла. Пробили внизу часы, приснился дождь на Волге, и опять кто-то вошел в спальню, кажется, посторонний. Ольга Ивановна вскочила и узнала Коростелева».

«Коростелев — это друг Дымова. А у меня и друга нет! — подумал он. — Ну и не надо».

«Он всхлипнул, — продолжал читать Сергей Петрович, — сел на кровать рядом с ней и вытер слезы рукавом».

А дальше Сергей Петрович и сам не мог читать без слез: уж очень жалко стало Дымова, т. е. себя. Особенно, когда друг Дымова Коростелев проникновенно говорит: «Служил науке и умер от науки. А работал, как вол, день и ночь, никто его не щадил...»

Правда, Сергей Петрович не служил науке. Но это все равно. Важно, что его, так же как и Дымова, никто не щадил. И то, что жену Дымова звали Ольгой Ивановной, а жену Сергея Петровича звали Анной Александровной, тоже не важно... Важно другое, совсем другое... А все же жаль Ольгу Ивановну. Только со смертью мужа она прозрела и поняла, какой это был прекрасный человек. Как она без него убивается:

«Она с плачем бросилась из спальни, шмыгнула в гостиную мимо какого-то незнакомого человека и вбежала в кабинет к мужу. Он лежал неподвижно на турецком диване, покрытый до пояса одеялом. Лицо его страшно осунулось, похудело и имело серовато-желтый цвет, какого никогда не бывает у живых; и только по лбу, по черным бровям да по знакомой улыбке можно было узнать, что это Дымов... «Дымов!.. — позвала она громко. — Дымов!» Она хотела объяснить ему, что то была ошибка, что не все еще потеряно, что жизнь еще может быть прекрасной...»

«А зачем мне умирать? — подумал вдруг очень ясно Сергей Петрович... — Довольно того, что и Дымов умер. Пусть Аня прочтет этот рассказ, и она все поймет. И в самом деле, жизнь еще может быть прекрасной».

Фотомонтаж Б. Клинка

„Вольный“ город Данциг.

Анна охотно согласилась прочесть рассказ «Попрыгунья».

— Хочешь, я тебе прочту вслух? — предложил Сергей Петрович.

— Только не вслух... У тебя голос противный. Я сама прочту...

Сергей Петрович внимательно следил, как супруга перелистывала страницу за страницей.

— Ну, как? — взволнованно спрашивал он.

— Не мешай мне, — отвечала жена, увлекшись рассказом.

И вот, наконец, она дочитала до конца.

— Понравилось? — спросил взволнованно Сергей Петрович.

— Еще бы, — одобрила Анна Александровна и тяжело вздохнула.

Сергей Петрович подсел к жене поближе, погладил ее руку и вкрадчиво спросил:

— Анечка, а тебе не кажется, что жизнь Дымова похожа на очень близких нам людей? И что из этого нам надо сделать выводы?

— Насчет похоже не знаю... Конечно, таких, как Попрыгунья, среди наших знакомых еще найдется. Вот хотя бы взять Серафиму Петровну или Софью Александровну... И то, Сережа, я их не виню... Ведь мужья у них далеко не Дымовы... И любят они не так и сами неинтересны. А выводы, конечно, надо сделать, — добавила она, — будь я женой такого человека, как Дымов, я бы его на руках носила... Ты почему помрачнел? — спросила она, заметив осунувшееся лицо Сергея Петровича.

Но тот ничего не ответил и вышел из комнаты.

А вечером Анна Александровна вновь ухнула куда-то с этим лысым Файнкохом.

Б. ЛЕВИН

ОБИДЕЛИ ГОЛЬДОНИ

В XVIII веке жил в Венеции веселый мастер по имени Карло Гольдони. Не был он членом группомы драматургов, не имел текущего счета в управлении по охране авторских прав и даже не числился в числе едоков малоформистского котла, но комедии писал просто и до того хорошо, что до сих пор не сходят они со сцены советского театра.

И вот обидели, смертельно обидели этого славного старика, и где? Только подумайте: в Москве!

С грустью мы прочли афишу, пышно расклеенную по всей столице.

Парк ЦДКА
массовый театр
10 июля

Спектакль артистов Московского ордена
Ленина Художественного Академического
театра СССР им. М. Горького

А дальше следует крупным калибром набранное почтенное имя автора:

МИХ. ГАЛЬПЕРИН

СЛУГА ДВУХ ГОСПОД

Комедия в 3-х актах и 8 картинах.

А в самом конце презренным петитом добавлено как-то вскользь:

по К. Гольдони.

Прочтя такую штуку, нам стало страшно и за Карло Гольдони и за Михаила Гальперина.

— Вы что, с ума сошли? Ведь сейчас мертвый час!
— А мы играем колыбельную.

Устаревший писатель

В ОБЕДЕННЫЙ перерыв в буфете треста «Деликат-силикат» собралось за одним столиком несколько сотрудников. Разговорчивый экономист Развозжаев спросил у экономиста Персонова:

— Федя, поделись, расскажи, что в газете пишут...

Федя Персонов вяло промямлил:

— Ну, вот... между прочим, пишут, что исполняется 35 лет со дня смерти писателя Чехова.

— А! Это я читал,— отозвался Развозжаев,— читал. И как вам сказать?.. Я думаю, что Чехов — писатель, уже устаревший.

— Ой ли? — спросил кто-то из сослуживцев.

— Факт. Где эти самые интеллигентны-тики, которых описывал Чехов? Где эти дамочки, купцы, чиновники?.. Да вот, например, взять этот его рассказ — как он называется? — ага! «Толстый и тонкий».

— Что «Толстый и тонкий»? — спросил подошедший к столику инженер Пыльский.

Развозжаев объяснил инженеру:

— Да вот, понимаешь ли, Вася, я говорю, что Чехов на сегодняшний день как-то уже не звучит... Вот тот же его рассказ «Толстый и тонкий». Помнишь? Ну, встретились два то-

варища по школе. Один из них маленький чиновник, а другой уже успел сделаться генералом. И, конечно, в тех условиях между ними не может быть нормальной человеческой речи. В тех условиях уже один должен пресмыкаться, а другой, так сказать, принимать это...

— Ну?

— Ну, кто из нас, работников «Деликат-силиката», способен на такое, понимаешь ли, подхалимство? Я? Нет! Федя Персонов? Тоже нет! Ты, Василий?..

Инженер улыбнулся и сказал:

— Меня надо выключить из этого списка, потому что я уже не работник «Деликат-силиката».

— Это почему?

— Да потому, что меня уже перекинули.

— Куда? На какую должность?

— В Калининский областной силикатный трест,— пояснил инженер и несколько смущенно добавил: — И, представьте, начальником треста.

Эффект от этого сообщения был, разумеется, разительный. Развозжаев встал, потом присел, потом опять встал. Он как-то криво заулыбался и произнес скрипучим голосом:

— Ну, что ж, остается только поздравить вас, Василий Николаевич, так сказать, с высоким, так сказать, назначением.

— Издеваешься? — весело спросил инженер.

Развозжаев смутился, покраснел:

— Отнюдь! Отнюдь нет! Разве я смею издеваться в таком, можно сказать, торжественном, случае? Я, товарищ Пыльский, всегда знал, что вам предстоит блестящая карьера, поскольку вы снабжены удивительными способностями и именно талантом руководителя...

— Да брось ты, брось! — уже нахмурился, перебил инженер.

Остальные собеседники, пожимая плечами и гадливо улыбаясь, отошли от столика. Развозжаев стоял навзятжку и скрипучим голосом продолжал, чувствуя, что уже не в силах остановиться:

— И еще покорнейшая к вам просьба, товарищ Пыльский, в случае если найдется какая-нибудь работенка сверхурочно... там по балансу или плановые предложения... всегда готов работать под непосредственным руководством лично вас, поскольку именно давно уже знаю вас как выдающегося деятеля на фронте силикатов...

Инженер пожал плечами, махнул рукой и отошел от столика.

В. АРДОВ.

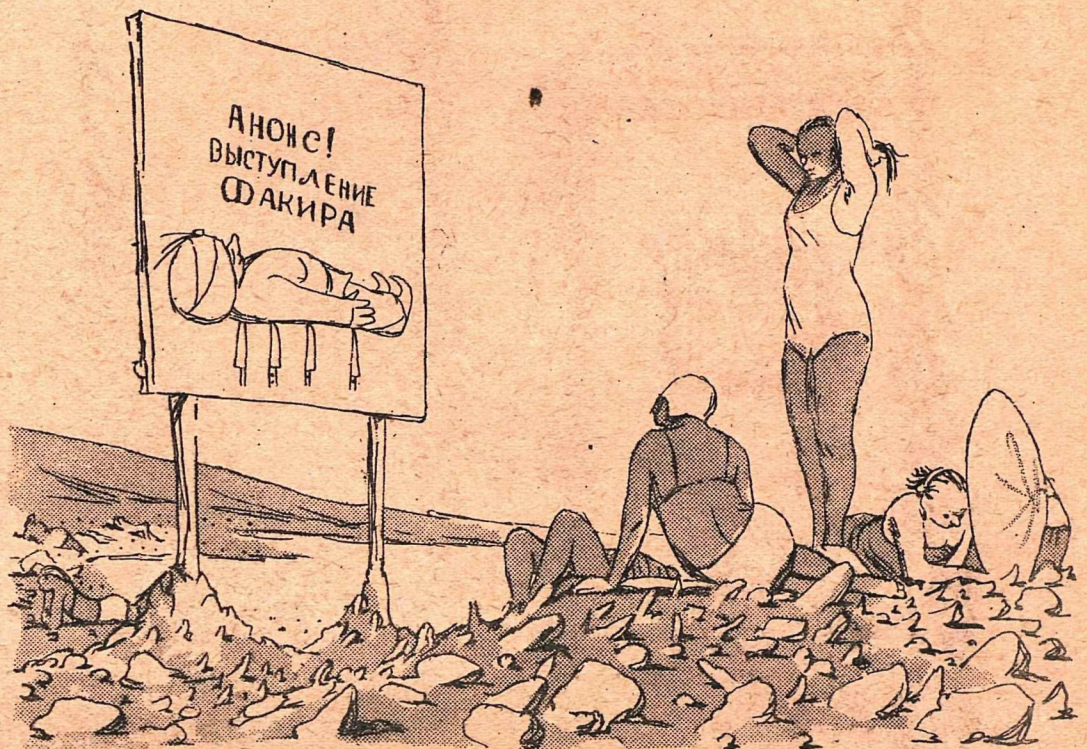
1

Вот я живу,
Иду к маяющим высям,
Ни перед кем не чувствую вины
И жду твоих открыток или писем,
Как первых птиц из южной стороны.
Я думаю о их прилете скором,
Но если письма не летят ко мне,—
Хожу по общежитию, в котором
Висит огнетушитель на стене,
И повторяю старое: «Пишите...»
И добавляю новое: «Пиши...» —
Иначе я возьму огнетушитель
И погашу пожар моей души.

2

Пойми одно:
Я больше не могу так —
Я без тебя с другой уже знаком.
Я жду ее в любое время суток,
А ты ведь и не знаешь о таком.
Я жду ее, по-своему любя.
Я жду ее, табачный дым клубя...
Она приходит
С сумкой почтальона,
Она приносит
Письма от тебя.

СЕРГЕЙ СМИРНОВ

— Подумаешь, фокус — лежать на ножах! Он бы на нашем пляже попробовал полежать...

Я не глухой

(Заметки наивного человека)

С ДЕТСТВА мои уши в исправности. У меня всегда был хороший слух, за что не раз терпел унижения. Мама мне часто говорила при гостях:

— Петя, почему ты слушаешь то, что тебе не полагается? Уйди отсюда!..

Мне уже пошел пятый десяток. Зрение начало портиться. А слух — ни с места: как был так и остался.

Тем не менее многие граждане, а также гражданки почему-то считают, что я глухой. И обращаются они ко мне, сильно повышая голос.

Почему они кричат?

Сегодня утром начальнику нашего отдела показалось, что у меня неточность в сводке. Ну, скажи, объясни, сделай строгое замечание. Но сделай все это обычным человеческим голосом. Нет! Начальник на меня так кричал, что я даже испугался за его здоровье.

«Одно из двух, — думал я, — или у него зуб ноет или обмен веществ нарушен, а потому и кричит».

Однако я скоро успокоился. Тут же при мне к начальнику зашел директор. И начальник говорил с директором тихо и спокойно, даже один раз улыбнулся. Значит, у него в порядке и зубы и обмен. Но я тут же встревожился за состояние здоровья директора: он почему-то очень кричал на начальника...

Зашел я в нашу столовую. Сел за столик. Оказывается, столик был уже кем-то занят. Я этого, честное слово, не знал. Официантка могла бы мне сказать: «Извините, товарищ, пересядьте, пожалуйста, на другое место». Нет, она мне ничего не сказала. Она сразу на-

чала кричать: «Куда прешь, разве не видишь, что занято?» Почему она кричала? Неужели она в самом деле думает, что я глухой?

Вчера в дачном поезде приключился со мной такой неприятный казус. Вез я на дачу плетеную сумку. Ну, там огурцы, крабы, колбасу. Повесил я сумку на крючок над скамьей. А тут сидела молодая женщина в роговых очках, очень, кажется, интеллигентная женщина. Сидела и, знаете ли, читала стихи Блока.

Повесил я, значит, свою сумку и как-то не заметил, что под моей сумкой висит еще чья-то сумка. Конечно, интеллигентная дама с Блоком могла бы мне сказать, мягко улыбаясь: «Простите или пардон, гражданин, вы своей сумкой раздавите мои помидоры. Если вам нетрудно, гражданин, повесьте ваш багаж на другой крючок». Нет, она почему-то так не сказала.

Она стала замахиваться на меня Александром Блоком в кожаном переплете и пискливым голосом (а я-то думал, что у нее меццо-сопрано!) закричала:

— Что вы, ослепли, что ли? Куда вешаете свое барахло?

Как она кричала! Почему?

В тот же день на меня кричали еще один раз. Но не женщина, а мужчина. Молодой, симпатичный парень с голубыми наивными глазами.

Он кондуктор двухэтажного троллейбуса. Хотя бы объяснил он мне: «Извиняюсь, мол, гражданин, мест (или местов) нет. Потерпите, будьте ласковы, до следующей машины». Но он, как видно, тоже считает меня тугим на уши и как гаркнет прямо в лицо:

— Не лезь!..

А какой-то полупьяный или полутрезвый пассажир посмотрел из верхнего окна, расхохотался и вдруг с высот двухэтажного посыпалось на меня такое трехэтажное, что мне оставалось только удивиться и отойти в сторону.

Я дождался следующей машины. Благополучно сел и поехал. Не доезжая остановки, выскочил в недозвоненном месте, и, каюсь, явно нарушил правила уличного движения.

Возмездие немедленно последовало. Вечернюю тишину прорезал мелодичный свисток, и ко мне бодрым шагом подошел милиционер. Думая: «Держись, вот начнет кричать!..»

Не тут-то было. Не целковый, а три, пять, десять я бы отдал! Как вежливо, как спокойно разговаривал он со мной!

Наконец-то я наткнулся на человека, который отнесся с уважением к моему слуху, который не считает меня глухим. Спасибо, дорогой товарищ!..

Кстати, в интересах объективной справедливости, должен отметить, что на этой декаде был со мной еще один случай, который обошелся без малейшего повышения голоса.

Это было в филиале Большого театра на опере «Риголетто». Тут уж артисты, видимо, преувеличили мои слуховые достоинства. Я сидел в десятом ряду партера, и мне казалось, что певцы и певицы не поют, а шепчутся между собой.

А вообще — кричат. Почему кричат?..

Г. РЫКЛИН.

ПОЧТИ ХАЙПО

Рис. Б. Пророкова

ПИСАТЕЛИ НА ПРИЕМЕ У ДОКТОРА ЧЕХОВА

— Странный врач! Я даже рта не успел открыть, а он уже заявил, что ему не нравится мой язык.

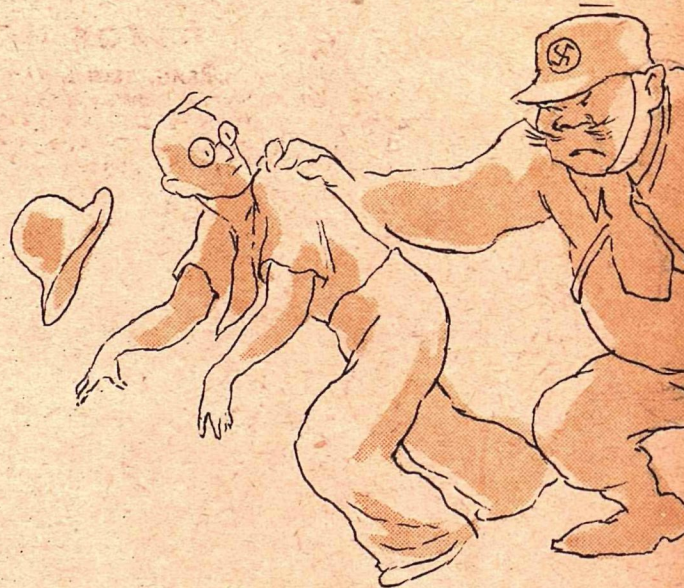
СИЛА П

— Третью неделю рассказа Чехов не в пьесу.

МУКИ ТВОРЧЕСТВА

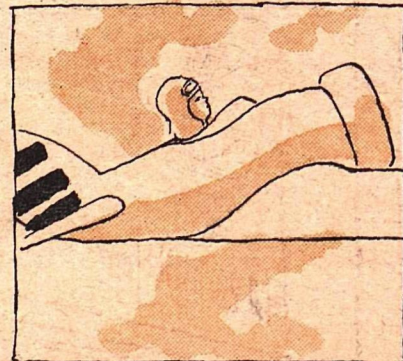
— Медицинский факультет окончил, немного кашляю, наконец, дачу в Ялте построил, а „Вишневый сад“ никак не удается написать.

УНТЕР ФОНПРИ

„Где это в законе написано, чтобы“

ТРИ

— В Москву!..

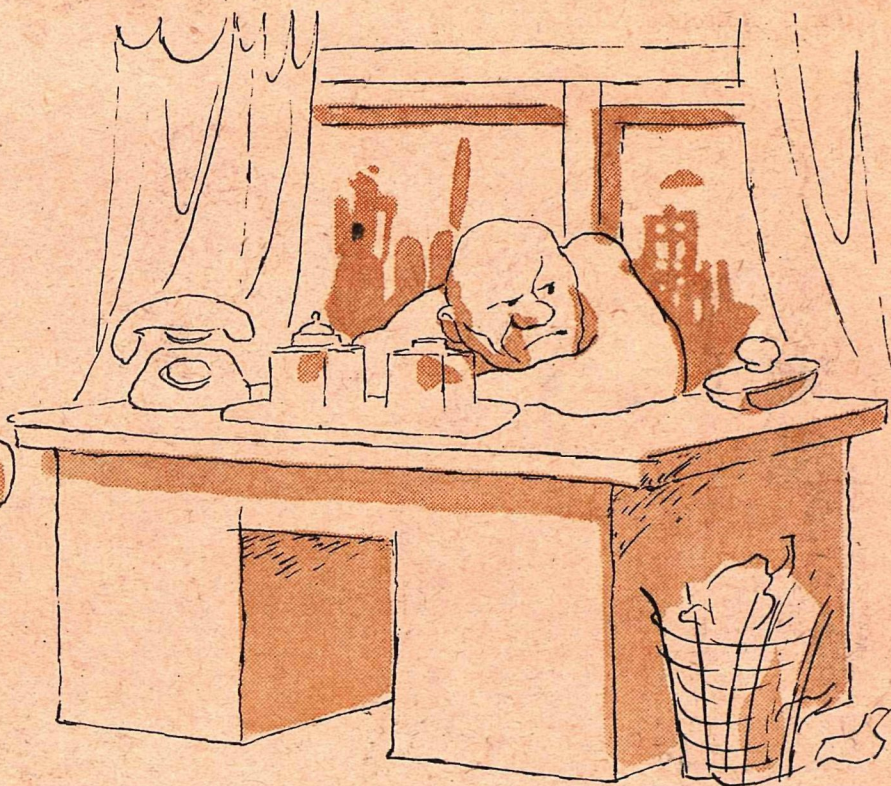
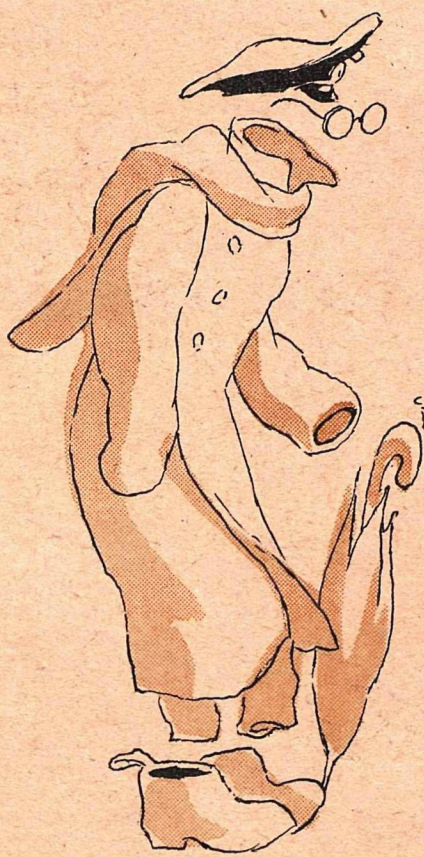
— В

ЧЕХОВУ

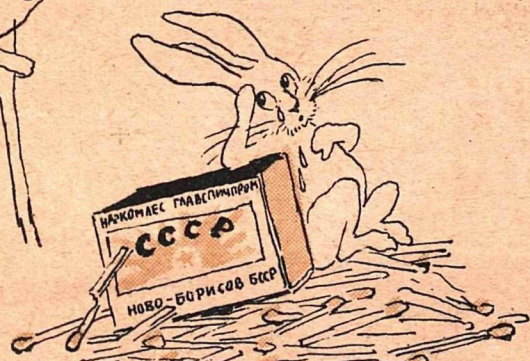
РИВЫЧКИ

сиди и ищи, из какого
ределал „Дядю Ваню“

ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ

Загадочная картинка: где Беликов?

ЧЕХОВ НЕПРАВ

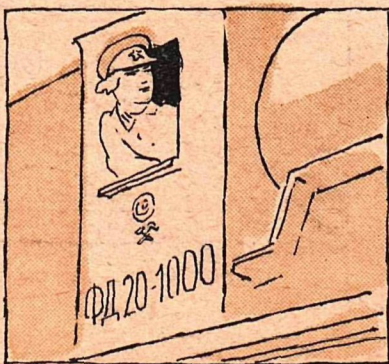
„Заяц, ежели его бить, спички
может зажигать...“ Но спички
Ново-борисовской фабрики заяц
никогда не научится зажигать,
хоть вы его убейте.

ШИБЕЕВ

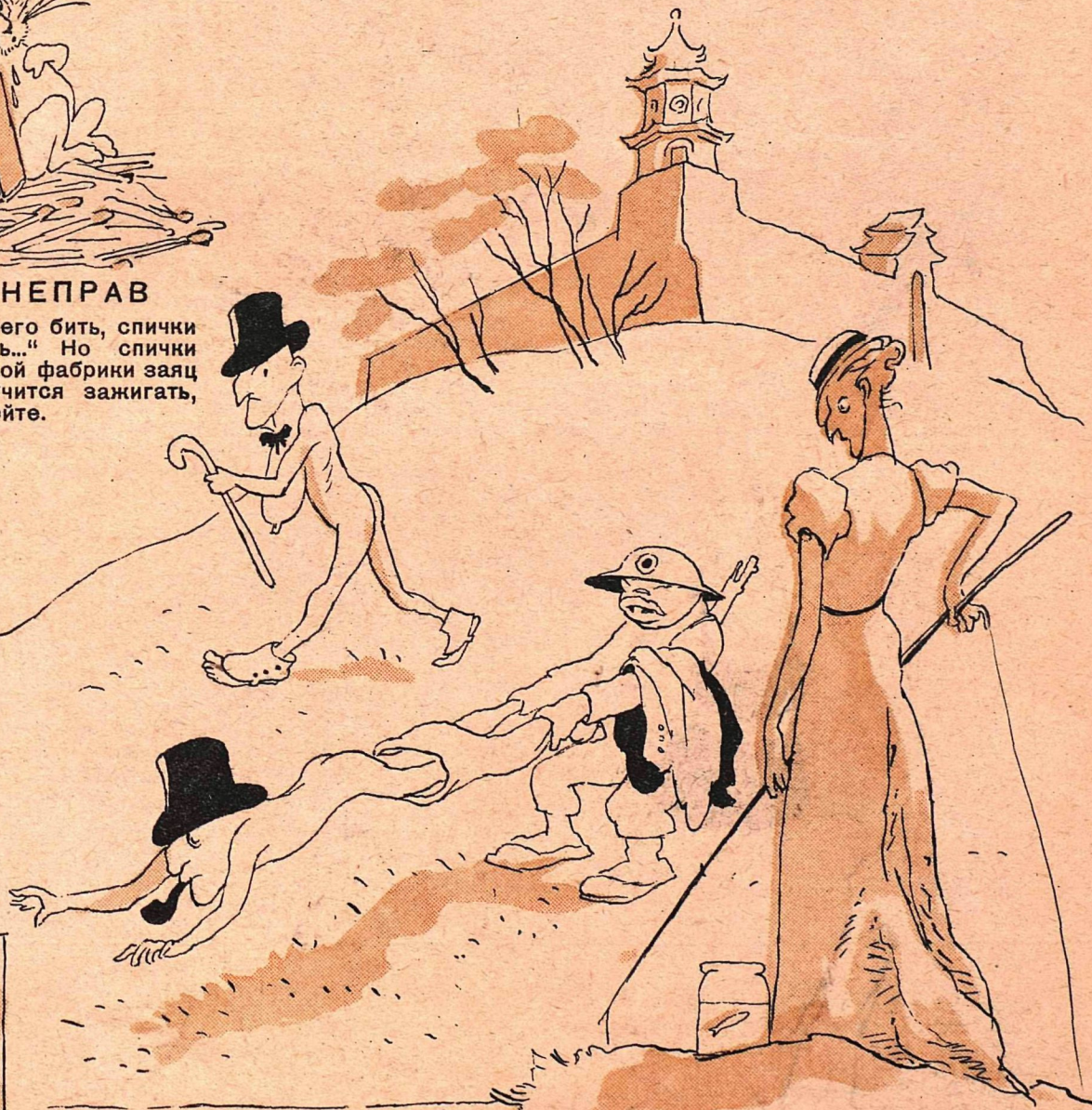
и народу волю давать?..“

СЕСТРЫ

Москву!..

— В Москву!..

СОВРЕМЕННАЯ „ДОЧЬ АЛЬБИОНА“

„Мисс Тфайс хладнокровно переменила червяка,
зевнула и закинула удочку“

(А. П. Чехов „Дочь Альбиона“)

Дочь Альбиона невозмутимо наблюдает, как в Тяньцзине японцы
раздевают ее соотечественников.

Эмирский суд

ПЕРЕД воротами эмирского дворца раскинулся пестрый табор. В тени изодранных навесов лежали и сидели на камышовых цыновках люди, истомленные духом, одинокие и со своими семьями; женщины укачивали грудных, варили пищу в котлах, штопали рваные халаты и одеяла; всюду бегали полуголые ребятишки, кричали, дрались и падали, весьма непочтительно обращая ко дворцу ту часть тела, которая неприлична для созерцания. Мужчины спали, или занимались различными домашними делами, или беседовали между собой, усевшись вокруг чайников.

«Эге! Да эти люди живут здесь не первый день!» — подумал Ходжа Насреддин.

Его внимание привлекли двое: плешивый и бородатый. Они лежали прямо на голой земле, повернувшись спинами друг к другу, каждый под своим навесом, а между ними была привязана к тополевому колышку белая коза, до того тощая, что ее ребра грозили прорвать облезшую шкуру. Она с жалобным блеянием глядела колышек, с'еденный уже до половины.

Ходжа Насреддин был очень любопытен и не мог удержаться от вопроса:

— Мир вам, жители благородной Бухары! Скажите мне: давно ли вы перешли в цыганское сословие?

— Не смейся над нами, о путник! — ответил бородатый. — Мы не цыгане, мы такие же добрые мусульмане, как ты сам.

— Почему же вы не сидите дома, если вы добрые мусульмане? Чего вы ждете здесь, перед дворцом?

— Мы ждем справедливого и многомилостивого суда эмира, нашего владыки, повелителя и господина, затмевающего своим блеском самое солнце.

— Так! — сказал Ходжа Насреддин, не скрывая насмешки. — И давно вы ждете справедливого и многомилостивого суда эмира, вашего владыки, повелителя и господина, затмевающего своим блеском самое солнце?

— Мы ждем уже шестую неделю, о путник! — вмешался плешивый. — Вот этот бородатый сутяга — да покарает его аллах, да подстелет шайтан свой хвост на его ложе! — этот бородатый сутяга — мой старший брат. Наш отец умер и оставил нам скромное наследство, и мы разделили все, кроме козы. Пусть эмир рассудит, кому из нас бна должна принадлежать.

— Но где же остальное имущество, доставшееся вам в наследство?

— Мы все обратили в деньги: ведь сочинителям жалоб надо платить, и писцам, принимающим жалобы, тоже надо платить, и стражникам надо платить, и еще многим.

Плешивый вдруг сорвался с места, бросился навстречу грязному босому дервишу в остроконечной шапке и с черной выдолбленной тыквой на боку:

— Помолись, святой человек! Помолись, чтобы суд окончился в мою пользу!

Дервиш взял деньги, начал молиться. И каждый раз, когда он произносил заключительные слова молитвы, плешивый бросал в его тыкву новую монету и заставлял повторять все сызнова.

Бородатый с беспокойством приподнялся, обшарил глазами толпу и после недолгих по-

исков заметил второго дервиша, еще более грязного, оборванного и, следовательно, еще более святого. Этот дервиш потребовал непомерную плату, но бородатый сразу согласился. Поглядывая с торжеством на своего младшего брата, он отсчитал деньги. Дервиш, опустившись на колени, начал громко молиться, перекрывая своим басом тонкий голос первого дервиша. Тогда плешивый, обеспокоившись, добавил денег своему дервишу, а бородатый — своему, и оба дервиша, стараясь перещеголять друг друга, закричали и завопили так громко, что аллах, наверняка, приказал ангелам закрыть окна в своих чертогах, опасаясь оглохнуть. А коза, обглядывая тем временем тополевым колышек, блеяла жалобно и протяжно.

Плешивый бросил ей полноста клевера, но бородатый в ту же минуту закричал:

— Убери свой грязный, вонючий клевер от моей козы!

Он отшвырнул клевер далеко в сторону и поставил перед козой мешок с отрубями.

— Нет! — злобно завопил плешивый брат. — Моя коза не будет есть твои отруби!

Горшок полетел вслед за клевером, разбился, и отруби перемешались с дорожной пылью, а братья в яростной схватке катались уже по земле, осыпая друг друга ударами и проклятиями.

— Два дурака дерутся, два жулика молятся, а коза тем временем подошла с голода, — сказал, покачив головой, Ходжа Насреддин. — Эй, вы, добродетельные и любящие братья, взгляните сюда: аллах по-своему рассудил ваш спор и забрал козу к себе!

Несчастное животное действительно испустило дух и лежало на боку, вытянув ноги. Братья, опомнившись, отпустили друг друга и долго стояли с окровавленными физиономиями, разглядывая издохшую козу. Наконец, плешивый сказал:

— Надо снять шкуру.

— Я сниму шкуру! — быстро отозвался бородатый.

— Почему же ты? — спросил второй, и плешь его побагровела от ярости.

— Коза моя, — значит, и шкура моя.

— Нет, моя!

Ходжа Насреддин не успел вставить слова, как братья опять катались по земле, и ничего нельзя было разобрать в этом хрипящем клубке, и только на мгновение вдруг высунулся грязный кулак с зажатым в нем пучком черных волос, из чего Ходжа Насреддин заключил, что старший брат лишился в эту минуту значительной части своей бороды.

Безнадежно махнув рукой, Ходжа Насреддин поехал дальше.

И вдруг завывли трубы, ударили барабаны, весь пестрый табор всколыхнулся, пришел в движение, и тяжело открылись окованные медью ворота дворца.

— Эмир! Эмир! — понеслись отовсюду крики, и народ со всех концов хлынул к дворцу, чтобы взглянуть хоть одним только глазом на своего повелителя.

Ходжа Насреддин занял, конечно, самое удобное место в первых рядах.

Сначала из ворот выбежали глашатаи.

— Дорогу эмиру! Дорогу светлейшему эмиру! Дорогу повелителю правоверных! — кричали они.

Следом за ними выскочила стража, колотая палками направо и налево, по головам, рукам и спинам любопытных, придвинувшихся слишком близко; в толпе образовался широкий проход, и вышли тогда музыканты с барабанами, флейтами, бубнами и карнаями; за ними следовала свита — визари и сановники — в шелках и золоте, с кривыми саблями в бархатных ножнах, усыпанных драгоценными камнями; потом провели двух слонов с высокими султанами на головах, и, наконец, вынесли сверкающие на солнце пышно разукрашенные носилки, в которых под тяжелыми парчевым балдахном возлежал сам великий эмир. Толпа зарокотала, загудела навстречу ему, словно бы ветер прошел по всей площади, и народ распростерся ниц, как этого требовал эмирский указ, повелевающий верноподданным смотреть на своего владыку с подострастием и обязательно снизу вверх. Перед носилками бежали слуги, расстилая ковры по пути; справа от носилок шел дворцовый мухойой с опахалом из конских хвостов на плече, а слева степенно и важно шагала эмирская кальяничка с турецким золотым кальяном в руках. Шестные замыкала стража в медных шлемах, со щитами, копьями, самострелами и саблями наголо. Все это освещалось ярким полуденным солнцем. Оно зажгло драгоценные камни, горело на золотых и серебряных украшениях, жарким блеском отражалось в медных щитах и шлемах, сияло на белой стали обнаженных клинков... Но в огромной, распростершейся ниц толпе не было ни драгоценных камней, ни золота, ни серебра, ни даже меди — ничего, что могло бы, радуя сердце, гореть и сиять под солнцем: только лохмотья, нищета, голод. И, когда пышная эмирская процессия двигалась через море грязного, темного, забитого и оборванного народа, похоже было, что тянут сквозь жалкое рубище тонкую и единственную золотую нить.

Высокий, усталый коврами помост, откуда надлежало эмиру излить на преданный ему народ свою милость, был уже оцеплен со всех сторон стражниками, а внизу, на лобном месте, хлопотали палачи, деловито готовясь к исполнению эмирской воли: испытывали гибкость прутьев и крепость палок, вымачивали в тазах многохвостые сырмятные плети, ставили виселицы, точили топоры и укрепляли в земле заостренные колья на случай, если эмиру заблагорассудится предать кого-нибудь смерти.

Носилки, плавно колыхаясь, поднялись на помост, и эмир, откинув балдахин, явил народу свое лицо.

Визирь занял места с правой стороны, мулы и сановники — с левой, писцы разместились внизу со своими книгами и чернильницами, придворные лстыцы — мудрецы и поэты — выстроились полукругом позади трона, глядя в затылок эмиру преданными и лстывыми глазами. Дворцовый мухойой взмахнул опахалом. Кальяничка сунул в рот своему господину золотой чубук. Огромная толпа вокруг помоста затаила дыхание. Ходжа Насреддин приподнялся на стременах и вытянул шею, весь обратившись в слух.

Эмир сонно кивнул головой. Стражники расступились, пропуская плешивого и бородатого братьев, дождавшихся, наконец, своей очереди.

— Братья подползли на коленях к помосту, коснулись губами ковра, ссылавшего до земли.

— Встаньте! — приказал великий визирь Бахтияр.

Братья встали, не осмеливаясь отряхнуть пыль со своих халатов. Их языки заплетались от страха, речь была непонятна и сбивчива. Но Бахтияр был опытный визирь и понял все с полуслова.

— Где же ваша коза? — нетерпеливо прервал он братьев.

Плешивый ответил ему:

— Она умерла, о высокорожденный визирь, светоч мудрости и благородства! Аллах взял нашу козу к себе. Но кому же из нас должна теперь принадлежать ее шкура?

Бахтияр повернулся к эмиру:

— Каково будет твое решение, о мудрейший из повелителей?

Эмир протяжно зевнул и с видом полного безразличия закрыл глаза. Бахтияр почтительно склонил голову, отягощенную белой чалмой.

— Я прочел решение на твоём лице, о владыка! Слушайте, — обратился он к братьям, и они опустили на колени, готовясь поблагодарить эмира за мудрость, справедливость и милосердие.

Бахтияр громко и раздельно объявил приговор; писцы закрипели перьями, записывая его слова в толстые книги.

— Повелитель правоверных и солнце вселенной, наш великий эмир, да пребудет над ним благословение аллаха, рассудить соизволил, что если козу взял к себе аллах, то шкура ее по справедливости должна принадлежать наместнику аллаха на земле, то есть великому эмиру, для чего надлежит снять с козы шкуру, высушить и обработать ее и принести во дворец и сдать в казну.

Братья в растерянности переглянулись, по толпе пробежал легкий шопот. Бахтияр продолжал так же раздельно и громко:

— Кроме того подлежит взыскать с тяжущихся судебную пошлину в размере двухсот таньга, и дворцовую пошлину в размере полутора таньга, и налог на содержание писцов в размере пятидесяти таньга, и пожертвование на украшение мечетей, и все это надлежит взыскать с них немедленно деньгами, или одеждой, или прочим имуществом.

И еще не успел он закончить, как стражники ринулись к братьям, оттащили в сторону, развязали их пояса и вывернули карманы, сорвали халаты, стащили сапоги и вытолкали их в шею, босых и полуголых, едва прикрывающих жалкой одеждой свой срам.

— Ну вот, — заметил благочестивым тоном Ходжа Насреддин, обращаясь к несчастным, которые громко рыдали в объятиях друг друга. — Вы все-таки не зря просидели шесть недель на площади. Наконец-то вы дождались справедливого и многомилостивого решения, ибо известно всем, что в мире нет никого мудрее и милосерднее нашего эмира, а если кто-нибудь сомневается в этом, — и он обвел глазами своих соседей в толпе, — то недолго крикнуть спражников, и они предадут нечестивца в руки палачей, и уж там ничего не стоит раз'яснить человеку всю губительность его заблуждений. Ступайте с миром домой, о братья, и, если впредь у вас случится спор из-за курицы, приходите снова на эмирский суд, но предварительно не забудьте продать свои дома, виноградники и поля, ибо иначе вы не сможете уплатить пошлин и тем самым причините убыток эмирской казне, самая мысль о чем должна быть нестерпима для каждого верноподданного.

— О, лучше бы нам умереть вместе с нашей козой! — воскликнули братья, фроня крупные слезы.

— Вы что же думаете: там на небе мало своих дураков? — ответил Ходжа Насреддин. — Достойные доверия люди говорили мне, что ныне и ад и рай набиты дураками до отказа, — больше не принимают. Я предсказываю вам бессмертие, братья, и уходите скорей отсюда, потому что стражники начали уже поглядывать в нашу сторону, а я не могу рассчитывать на бессмертие, подобно вам.

Братья ушли, громко рыдая, царапая лицо и посыпая головы желтой дорожной пылью.

ЛЕОНИД СОЛОВЬЕВ

В некоторых библиотечных зданиях Москвы живут посторонние жильцы.

Рис. М. Храпковского

— Спасибо бумажной промышленности. Будь в этой библиотеке много книг, — совсем было бы тесно жить.

Доска приказов

ПРИКАЗ № 40.

по Горяче-Ключевскому отд. Госбанка от 17/V 39 г. (Краснодарский край)
Несмотря на неоднократные личные предупреждения т. Собко А. Д. секретаря-машинистки, о прекращении бесцельного хождения по помещению отделения и двору, это явление продолжается 17/V с. г. т. Собко А. Д., идя в уборную, остановилась с посторонними лицами и простояла от 8 до 10 м., после возвращения вновь остановилась — простояв 1 м., дойдя до помещения подошла к забору для разговора с посторонним лицом — по ту стороны забора...

Вызванная т. Собко А. Д. для объяснения постаралась уклониться от дачи ответов и даже выйти из кабинета, но в последствии заявила, что она стояла из-за занятости уборной, между тем уборная была совершенно свободная, в которую в одну часть вошла т. Собко А. Д., а в другую т. Маловик.

Т. Собко А. Д. не только сама растрчивает рабочее время, но и заставила вынужденно растратить рабочее время по наблюдению за ней меня, т. Касаткина и т. Глушенко. Объявляю строгий выговор с предупреждением т. Собко А. Д.

Управляющий ПАНКОВ

КАК Я НАУЧИЛСЯ ТАНЦОВАТЬ

Ровно в 12 часов по ночам я танцую.

Каждый день в это время я исполняю у себя дома гопак или польку «Птичку».

Началось это со мной два года назад. До того времени никогда не увлекался балетом.

Откровенно говоря, неуклюжий я человек по природе. Ноги у меня не ахти какие быстрые. Спеть что-нибудь популярное — это я могу, а сплясать — дело весьма затруднительное.

Но спасибо доброму человеку: научил меня орудовать ногами. Это товарищ Бричко. Между прочим, он директор 2-го часового завода в Москве.

Благодаря директору стал я танцовать. Дело было так.

Два года назад приобрел я настольные часы 2-го часового завода.

На вид часы красивые. И дифер-блат и стрелки — все в порядке. Только ходить эти часы не любят. А начнешь их заводить, — станут и ни с места.

Прихожу я с работы поздно, к 12 часам ночи. Начинаю заводить часы — останавливаются. Надо их триста минут пятнадцать — двадцать, лишь тогда опять начинают тикать.

А триста — дело канительное и скучное. Вот я и начал танцовать.

Сначала пробовал заводить часы западноевропейскими танцами. Но никакой фокстрот, никакая румба не берет их: мало движения.

Перешел я затем на гопак и польку «Птичку». Дело сразу пошло.

Танцую, братцы!

Еще раз спасибо талантливому постановщику моих плясок, директору 2-го часового завода тов. Бричко!..

Г. ПАНТЕЛЕЕВ

МАТЕРИАЛ ДЛЯ ВАЯТЕЛЕЙ

До последнего времени скульпторы предпочитали пользоваться гипсом, мрамором и глиной. Недавно в поселке Дунаевцы, Каменец-Подольской области, появился новый материал для ваятелей. Поставляет его местный Харчпромкомбинат.

Комбинат выпускает различные сорта хлеба, в одинаковой степени несъедобные. Хлеб, как правило, слишком соленый, кисловатый, недопеченный. Рабочие местного механического завода вылепили из хлеба фигурки председателя злополучного Харчкомбината Шольнера и технического руководителя Цитрина и преподнесли их виновникам торжества.

Но Шольнер и Цитрин не особенно огорчились, что их образы увековечены в хлебо-булочной скульптуре, и продолжают выпускать материал для ваятелей.

ЗАЧЕМ НУЖНА ЛАМПА?

Инженер тов. Алякритский не принадлежит, так же как и мы с вами, к числу оригиналов — коллекционеров перегоревших электрических ламп. Он не собирает их также для того, чтобы потом стрелять по ним в тире из малокалиберки. Он их покупает для того, чтобы

они светили. Он почему-то считает, что это — прямое назначение электролампы.

Но завод «Электролампа» держится диаметрально противоположного мнения. Его лампы не успеют загореться ярким и радостным светом, как уже тухнут. Краток, как говорится, их жизненный путь.

Мы обратились для разрешения этого спора между тов. Алякритским и заводом «Электролампа» к видным физикам и электротехникам. Представьте, что они все, как один, стали на точку зрения тов. Алякритского:

— Лампа должна светить! Без этого она не лампа!

Об этом с величайшей скорбью сообщаем заводу «Электролампа», который, как мы уже указывали, имеет своеобразное мнение по этому вопросу.

ЛИПКАЯ БУМАГА

Есть такой старый анекдотический совет:

— Если хочешь поймать сороку, насыпь ей соли на хвост.

Примерно по такому рецепту изготовлена и липкая бумага для мух бумаговошильным производством Главного аптечного управления Наркомздрава РСФСР (Москва). Мухам эта бумага очень нравится, они охотно садятся на нее и — представьте себе! — свободно продолжают свои путешествия по комнате. Бумага им нестрашна: она совсем не липкая!

Влипают только доверчивые покупатели продукции бумаговошильного производства.

РАЗДВИЖНОЙ ЛИОНЕЗ

Лионез, выпускаемый Глуховским комбинатом, прекрасно выглядит. Он эффектен как декоративная ткань, но мало приспособлен для носки. Глуховские бракоделы наделили эту материю оригинальным секретом, о котором потребитель узнает вскоре после покупки. Оказывается, достаточно потянуть лионез по утку, чтобы поперечные нити раздвинулись и образовали дыры.

Магазины, получающие раздвижной лионез, пытались жаловаться Текстильсбыту и Наркомату текстильной промышленности. Но текстильщики даже обиделись:

— Помилуйте! Какой же это брак? Раздвижение нитей не предусмотрено инструкцией по бракеражу.

Выходит, что глуховчане могут осваивать новые виды брака. Лишь бы его не предусматривала инструкция.

ВИДНАЯ МАРКА

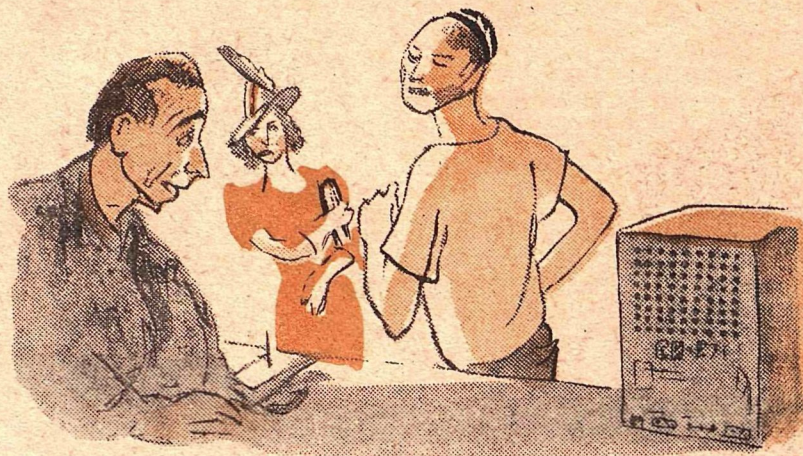
Не место красит человека, а человек... вернее, люди из Москвошвей красят своей фабричной маркой белые полотняные брюки.

Происходит это следующим образом. К белым брюкам Москвошвей пришивает яркожелтую полоску материи, на которой изображена фабричная марка. При первой же стирке эта желтая полоска материи линяет и брюки обильно обогащаются желтыми пятнами.

Так и приходится ходить с краской стыда на лице и с желтой краской на брюках от такой, с позволения сказать, фабричной марки.

ОТК

Рис. И. Семенова

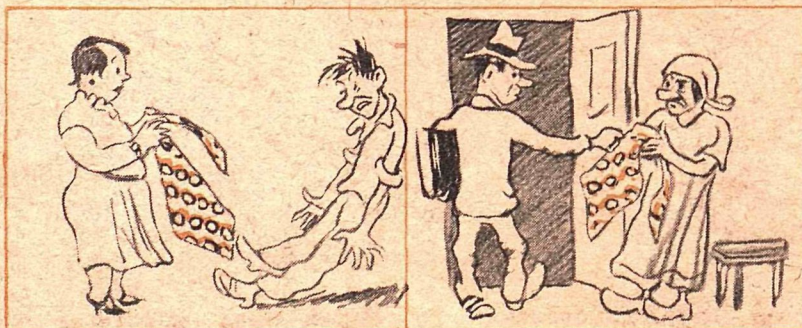

— Безобразие! Вы продали мне приемник, который не работает.
— Ну и прекрасно! Разве вы забыли о качестве радиопередач?

ВОЛШЕБНАЯ „МАЛЮТКА“

— В такой маленькой корбочке — такой большой брак.

— Я купила тебе очень веселенький галстук. Посмотри, — сказала жена.

Муж посмотрел и упал в обморок: он отличался хорошим вкусом и слабыми нервами.

В тот же день он подарил веселенький галстук лифтерше Петровне.

— Спасибо, — зловеще сказала Петровна, кривя губы, — у меня от него что-то в глазах рябит. Я его лучше управдомовской Люське пожертвую.

Читатель, надо думать, уже догадался о том, что Крокодил недружелюбно настроен к бракоделам.

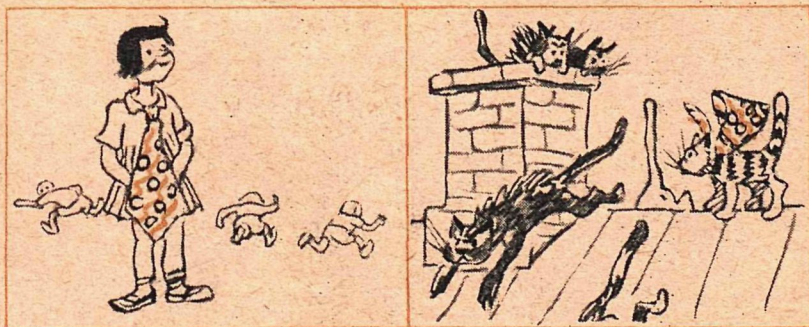
Вот почему мы открываем в журнале свой ОТК.
ОТК — это отдел технического контроля.
Можно читать и так:
ОТК — отчего такое качество?

— Что это: формализм?
— Нет, качество натуре.

Дружное соседство

Когда управдомовская Люська с веселеньким галстуком на шее вышла на двор, остальные дети не приняли ее в игру.
„Галстука моего боялся,— решила сообразительная Люська,— дай-ка я его к нашей Мурке приспособлю“

Мурка была красавица кошка. Коты всего переуллка добивались ее взаимности. Но, странное дело, когда она появилась на крыше с бантом из веселенького галстука на шее,— ее хвостатые поклонники, презрительно фыркая, разбежались.

гоий Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Через тебя передаю горячую благодарность директору Первой ашхабадской швейной фабрики. При его помощи я:

- 1) убедился, что очень худ и что мне следует потолстеть;
- 2) научился шить, кроить и штопать;
- 3) развил свое зрение.

И все это лишь благодаря одним только брюкам производства Первой ашхабадской швейной фабрики!

Они так широки в поясе, что мне стало бесконечно стыдно за свою худобу (хотя до сих пор я считался человеком нормальных пропорций), и я принимаю срочные меры к немедленному отложению жировых складок в районе поясицы.

Они так быстро (в первый же день) распознали по швам, что мне пришлось срочно-срочно приобрести квалификацию портного.

Разыскивая по земле планомерно отлетавшие с брюк пуговицы, я так натренировал мое прежде слабое зрение, что теперь без труда смогу сдать нормы на ворошиловского стрелка.

Помимо же того а за это время развил в себе терпение, силу воли и упорство, воспитал твердый характер.

Как же мне не благодарить уважаемого директора?

П. ОНСИН

Красноводск,
Туркменская ССР

Дорогой Крокодил!

Карманные часы № 18715 выпуска 1-го государственного часового завода после покупки в магазине ходили ровно три дня. Скажи: сколько должны ходить по ремонтным мастерским потребители продукции этого завода, прежде чем их жалобы на негодное качество часов достигнут цели?

П. ДУНЬКОВИЧ,

заместитель начальника учебного комбината
Красноярск

Дорогой Крокодил!

У меня большая неприятность. Я имел несчастье купить карманный фонарь с динамомашиной выпуска завода «Электросила». К нему приложено наставление, в котором сказано, что рекомендуется пользоваться только такими лампами, которые завод выпускает именно для этих фонарей. Другие, мол, для него не годятся. К наставлению были приложены 2 лампы, которые хотя и выпущены «Электросилой», но оказались настолько «электрослабыми», что через 2 дня перегорели.

Искал, искал я этим лампам замену. Но во всех московских магазинах мне отвечали: «Нет и не будет!»

Наконец, в магазине Электросбыта на Таганской площади мне сказали:

— Купите у нас другой фонарь. К нему 2 лампы прилагаются!

А мне все-таки жалко со старым фонарем расставаться: как-никак 37 рублей заплачено! Попробую его пока использовать хотя бы в виде пепельницы: ни на что другое он не годится.

А. КОТИК

Поселок Кривондино, Коробовский район, Московской области

Дорогой Крокодил!

Детские двухколесные велосипеды производства Промтреста Замоскворецкого района (Москва) отличаются от прочих велосипедов следующим:

- 1) гайки, крепящие передние и задние колеса к вилкам, имеют сквозные трещины от резьбы до наружной поверхности, благодаря чему колеса при езде совершенно легко могут отделиться от велосипеда;
- 2) правая педаль (ножная) не вращается;
- 3) седло имеет трещину примерно в 20 миллиметров;
- 4) левая ручка на руле порвана;
- 5) передаточная цепь так туго натянута, что заднее колесо едва вращается, и т. д. и т. п.

И вот благодаря всем этим качествам такой велосипед скорей пригоден для трюковой езды на арене цирка. Пользоваться же им непосынным детям далеко не безопасно.

Г. ЖДАНЮК

Юрюзанский завод,
Челябинской области.

Дорогой Крокодил!

Пословица говорит: «Где тонко, там и рвется». Это, должно быть, о лесках для удочек и спиннингов, выпускаемых мастерскими «Охотрыбспорт». А удища, катушки, рыболовные крючки и прочий рыболовный инвентарь, наоборот, не отличаются «тонкостью» обработки, ломаются, гнутся и прочее. Про изделия «Охотрыбспорта» не скажешь: «Дешево, да гнило». Тут напрашивается другое определение: «И дорого и гнило».

До каких пор «Охотрыбспорт» будет ловить на свою бракованную удочку доверчивых покупателей?

В. ЦИКУНОВ,

председатель городской секции
рыболовов
Саратов

Дорогой Крокодил!

За автоматическую ручку производства фабрики счетных приборов (Ленинград) я заплатил 50 рублей. Через несколько дней у так называемого золотого пера отвалился припаянный наконечник. Ручка вышла из строя.

Я не знаю, через сколько рук проходит на фабрике ручка с золотым пером, но уверен, что это не «золотые руки».

А. КАЗАКОВ

Москва

— Почему так грубо обращаются с пассажирами?
— Да они еще не пассажиры: им до сих пор билетов не выдали.

Маленькие рассказы с большой моралью

Роковая любовь

Одна гражданка очень любила мануфактуру. Не то, чтобы она носила ее... Т. е. носить — носила, но не в виде платья или там белья какого-нибудь, а просто в руках: домой носила. А из дому опять носила — на рынок. А на вырученные деньги опять покупала и опять носила. Ну, там за труды, конечно, прибавляла к своей цене что-нибудь.

Как и всякая сильная страсть, любовь к мануфактуре поглотила гражданку целиком. Со всем извелась гражданка, службу бросила, только одной мануфактурой и живет. А какая от мануфактуры жизнь? Одно беспокойство. Очень беспокойная жизнь. А бросить не может. Сколько ни зарекалась, ничего не выходит: как увидит мануфактуру, аж затрясется вся. Вроде как бы болезнь, только доказать трудно. Она говорит: болезнь, а ей: спекуляция! Она: болезнь, а ей: спекуляция! Так и засудили.

МОРАЛЬ: спекуляция логике подобна, с той лишь разницей, что логика выводит заключение, а спекуляция приводит к оному.

Литература и жизнь

Один гражданин настолько тяготел к просвещению, что подписался на «Литературную энциклопедию». Нельзя сказать, чтобы гражданин был легкомысленным человеком или там каким-нибудь сорви-головой. Будучи обременен службой и многочисленным семейством, он правильно рассчитал, что только «Литературная энциклопедия» даст ему возможность ознакомиться с литературой в мировом масштабе. Конечно, гражданин понимал, что литературное развитие его будет происходить в алфавитном порядке, но он был еще сравнительно молод, а букв в алфавите не так уж много, и эта сторона самообразования не смущала гражданина. Как-нибудь два года — и он будет поражать сослуживцев и знакомых исключительными данными

о писателях всех времен и народов на любую букву.

Уплатил гражданин деньги, получил квитанцию и стал постепенно литературно образовываться. Правда, когда речь заходила о Шекспире, Щедрине, Шевченко или там о каком-нибудь Эврипиде, он скромно умолкал, но зато никто не мог превзойти его обилием сведений о писателях более ранней формации — на А, Б, В, а впоследствии даже на К, Л, М и т. д.

Плохо было лишь то, что литературное образование гражданина шло с большими перерывами: образуется на Ж или там на К, а образования на следующую букву вследствие разных неувязок в редакции или там в издательстве «Литературной энциклопедии» приходится ждать несколько лет. Так и помер гражданин в глубокой старости на букве Р, не завершив литературного образования.

МОРАЛЬ: не подлежит сомнению, что медицина найдет средство продлить человеческую жизнь.

МИХ. МАРТЫНОВ

Бумаги на подпись

Возможно, что это утверждение правильно и, действительно, «бумага все терпит». Но терпение тех, кому приходится читать написанное на некоторых бумагах, иногда ломается. И это вполне понятно.

СЕБЕСТОИМОСТЬ ТАДЖИКСКОГО ПРОКУРОРА

Данной бумаге предшествовал приказ по Наркомату пищевой промышленности Таджикской ССР за № 138. Приказ этот гласил: «§ 1. Тов. Цибуленко А. П. зачислить с 6 апреля с. г. экономистом по себестоимости, с окладом 560 руб...»

Результат оказался несколько неожиданным:

«Наркому пищевой промышленности Таджикской ССР

г. Сталинабад

19 апреля 1939 г. Вами издан приказ № 138 § 1 по которому Цибуленко А. П. зачисляется с 6.IV.1939 г. экономистом «по себестоимости, с окладом 560 руб. в м-ц». Данный приказ подлежит изменению, ибо никаким трудовым законодательством наем работников по себестоимости не предусмотрен и не производится. Ставки рабочих и служащих предусмотрены не себестоимостью, а госнормированием.

Поэтому прошу формулировку приказа о приеме Цибуленко изменить, копию приказа в новой формулировке выслать в Прокуратуру республики.

Прокурор Республики РОМАНОВ».

ТЕБЛЕШКИЕ ЛИШЕНЦЫ

С каких пор и почему «домохозяевы» лишены права избирать в совет и быть избранными, неизвестно. Но что работники Тебleshского райисполкома, Калининской области, лишены чувства ответственности за свои «директивы», — это очевидно.

«Постановление Президиума Тебleshского райисполкома от 11/VI 39 года

О нарушении пункта 1-го Постановления ЦИК и СНК СССР от 11/IX—37 года Намесковским сельсоветом о самооблажении.

Решения общих собраний граждан по всем населенным пунктам Намесковского сельсовета как неправомерные (присутствовали не граждане имеющие право избирать в совет и быть избранным, а домохозяевы) отменить

И. о. пред. Рика РЯБЕНКО
И. о. секретаря Рика ТЕПЛОВ».

ПРАВАЯ, ЛЕВАЯ, ГДЕ СТОРОНА!

Бюро жалоб ВЦСПС направило гражданке Вагиной Ю. Н. выписку из протокола № 51 заседания Бюро от 19—21 июня 1939 г. Прочла гражданка Вагина эту выписку и ужаснулась. Было от чего:

«Слушали: жалобу т. Вагиной Ю. Н. на решение президиума ЦК союза работников политико-просветительных учреждений от 5/VI 39 г. признавшего правильным ее увольнение за прогул.

Постановили: подтвердить решение Президиума ЦК союза рабочих ж. д. строительства и метрополитена от 9/IV-39 г., признавшего правильным его увольнение за появление на работу в нетрезвом виде.

Председатель Воронина».

Теперь ясно, почему ужаснулась гражданка Вагина. Не за себя, конечно. За бюро жалоб ВЦСПС.

МОЗОЛЬ КАК ТРАВМА

Туринский райком союза леса и сплава (Свердловская область) послал заведующему отбельным цехом завода № 3 официальное отношение:

«У тов. Бурмантова произошел травматический случай во время перехода с квартиры до завода и во время того, как он ходил на работу смозолит ногу, вследствие чего проходил по билетию. Этот случай травмы мы считаем связанным с производством, а поэтому вам необходимо сейчас же составить извещение «о несчастном случае». В противном случае мы не можем авизировать этого билетию.

Зам. пред. РК союза
СЕРЕБРЕННИКОВ».

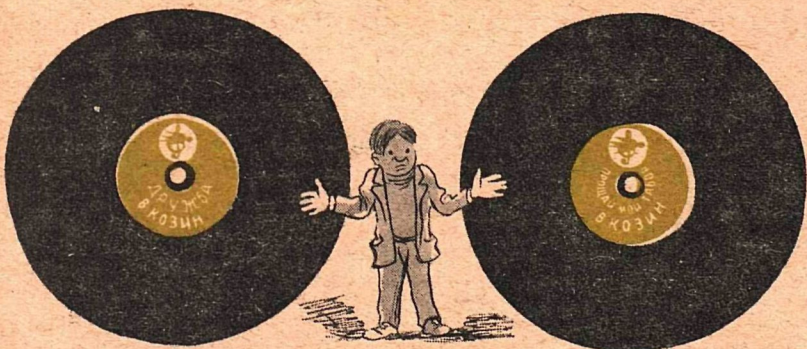

Рис. И. Семенова

С одной стороны, нельзя не сознаться, что очень плохо...

С другой стороны, нельзя не признать, что тоже далеко не блестяще...

НА ЭКЗАМЕНЕ

Рис. К. Елисеева

— Кто был Петр III?
— Третья серия „Петра I“

Особый Отдел ЛОТЕРЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ

По лотерейному билету можно выиграть не только автомобиль, пiana или путешествие по СССР. Заместитель начальника новоуштаганского противоэпидемического пункта (Джангалинский район, Казахстан) Дорофеев значительно расширил лотерейные возможности. Например с помощью лотереи недавно было решено, кого следует уволить: рабочего Джулаева или рабочего Ержанова.

По приказу Дорофеева завхоз Васюнин заготовил два билета. На одном было написано: «остается на месте», на другом — «подлежит увольнению». Оба билета и опустили в шапку.

Джулаев вытянул счастливый билет и остался работать на пункте. Однако подвезло и уволенному Ержанову. По крайней мере, теперь, на новом месте, он будет работать под руководством более умного начальства.

ВНИМАНИЮ ЛЕСОРУБОВ

«Если на клетке слона прочтешь надпись «буйвол», — не верь глазам своим». Точно так же не верь глазам своим, если увидишь выпущенный трестом Ленлес плакат «Какой инструмент нужен лесорубам», потому что изображенный на нем инструмент лесорубам не ахти как нужен.

Вслед за разосланными на предприятия директивными плакатами полетела за подписью заместителя начальника производственного отдела Ленлеса Аскинадзе не менее директивная бумажка. Мол, плакаты вообще очень чудесные, но...

«Лучковая пила: верхняя часть стойки указана короче...

Канадский топор: конечная часть формы топорика имеет неверное изображение».

И т. д. и т. п.

То есть вообще все не так, а совсем иначе. Почему и «следует обратить внимание при пользовании таковыми».

Интересно, на что обращал свое драгоценное внимание тов. Аскинадзе при составлении плакатов?

УДРУЖИЛИ

Начальник Центрозаготзерна Фомин вместе с заведующим культотдела ЦК профсоюза мукомолов Гурбиковым взяли агитировать за подписку на журнал «Советский заготовитель». В обращении к заготовителям и мукомолам они горячо расхваливают этот журнал, расточая по его адресу немало лестных слов и тонких комплиментов.

«Однако, — с горечью констатируют авторы обращения, — многие работники заготовительных организаций не выписывают и не читают журнал «Советский заготовитель». Такое положение, — следует неожиданный вывод, — может считаться нормальным».

Встречаются в этом обращении и другие, по меньшей мере, странности.

Горяч сочувствуем журналу «Советский заготовитель». Как говорится, услужливые Фомин и Гурбиков опаснее низкого тиража.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 30 к. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва. Изд. № 717

Сдача текста и рисунков 4/VII 1939 г.

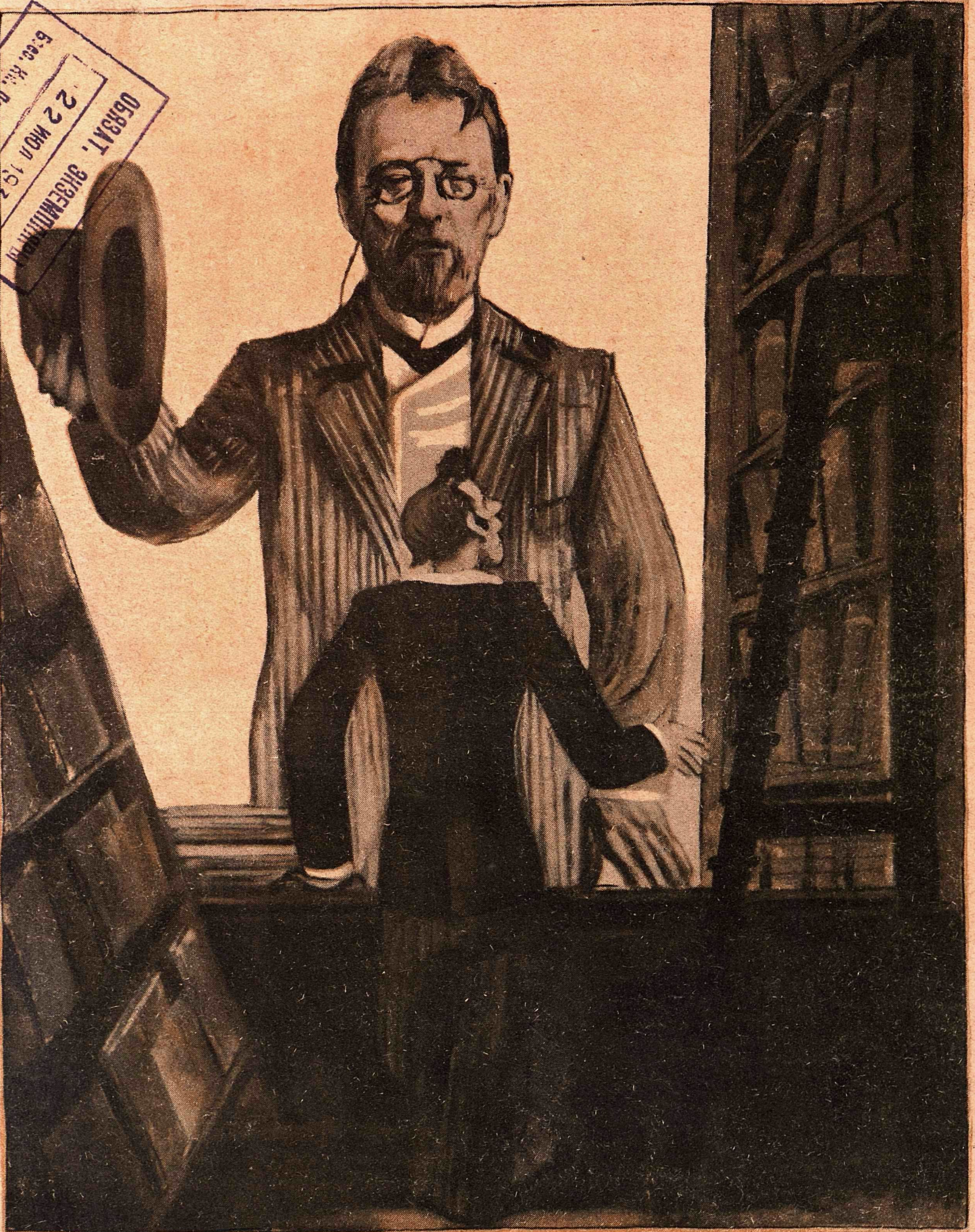
Подп. к печати 15/VII 1939 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № А—10876. Типография газ. «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2258. Тираж 275 000 экз.

Рис. М. Черемных

	Период и серии		
Получено в ред.	23/VI		
	23/VI 29/VI		

- Дайте мне мою „Жалобную книгу“.
- Нету.
- Тогда дайте вашу жалобную книгу.
- Тоже нету.